

Мария Зарская

**Птица колибри
зимы не боится**

Мария Барская

Птица колибри зимы не боится

«Антон Иванов, Анна Устинова»

2010

Барская М.

Птица колибри зимы не боится / М. Барская — «Антон Иванов, Анна Устинова», 2010

Катерина вынуждена была расстаться со своим молодым человеком. Не до любви ей было – пришлось после смерти матери младшую сестренку на ноги ставить. Прошло много лет. Однажды в отце жениха уже взрослой сестры Катя узнает свою первую и единственную любовь. И вот что удивительно: Митя тоже сохранил верность первому чувству! Но на пути любящих сердец – многочисленные проблемы, неразрешимые на первый взгляд противоречия. Но разве страшны они тем, кто изведал на себе стужу одиночества!

© Барская М., 2010

© Антон Иванов, Анна Устинова, 2010

Содержание

Глава I	5
Глава II	13
Глава III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Барская

Птица колибри зимы не боится

Глава I

Порыв теплого весеннего ветра пронесся по квартире и с громким стуком захлопнул форточку. Я вздрогнула и, очнувшись от воспоминаний, снова принялась перебирать тоненькую стопочку старых выцветших черно-белых фотографий.

Вот мы с ним вместе сидим, обнявшись, на пирсе и болтаем ногами. Внизу пенится волнами Черное море. На мне мой любимый белый сарафан из марлевки, который с трудом достала для меня мама, и я потом несколько лет с удовольствием его носила. И до сих пор сарафанчик этот у меня цел. Лежит на антресоли. В одном чемодане вместе с маминым свадебным платьем, первой в жизни Ольгиной распашонкой, ее чепчиком, моими первыми латинскими-перелатаными настоящими американскими джинсами и еще несколькими подобного же рода памятными вещицами – из тех, что, естественно, никогда уже не наденешь, а выкидывать рука не поднимается.

Я снова вглядываюсь в фотографию. Наших лиц почти не разобрать, слишком мелко они получились. Тот, кто нас снимал, стоял далеко на берегу, но понятно, что мы улыбаемся, а за нашими спинами – его приятель, который изо всех сил кривляется и строит нам рожки.

Беру следующую фотографию. Тоже крымская. А вернее, гурзуфская. Мы с ним в профиль, минус приятель. Оба одновременно вгрызаемся в один огромный и сочный персик. Где мы такой нашли, совершенно не помню. Зато отчетливо запомнилось, что было очень вкусно, очень смешно и мы все перемазались липким соком. Вон он бежит по нашим подбородкам! Господи, как давно это было! Целых двадцать лет назад! Но лиц и на этом снимке как следует не разглядеть. Чересчур уж искажены гримасами.

Я беру следующий снимок. Здесь мы оба почему-то очень нарядные. Стоим на набережной Ялты. Я все в том же белом сарафане, а он – в костюме «сафари». Жутко модная тогда вещь. Он обнимает меня за плечи, и оба мы сосредоточенно смотрим в объектив.

В Ялту мы прибыли на экскурсию. Вот только забыла, то ли нас возили в домик Чехова, то ли в Ливадийский дворец. Впрочем, это-то как раз и неважно. Главное, на этом снимке лицо его лучше видно, чем на предыдущих. Правда, на следующем снимке он вышел еще лучше, его сняли одного крупным планом на фоне ствола какого-то экзотического дерева. Кажется, это была секвойя и, кажется, в Никитском саду. Правда, я могу ошибаться.

Пристально вглядываюсь в его лицо. Похож или не похож? У юноши с фотографии худое продолговатое лицо, большие, но глубоко посаженные светлые глаза. На черно-белом снимке, естественно, не разберешь, какого они цвета, но я-то отчетливо помню, что серые! Серо-зеленоватые, опущенные длинными ресницами! И брови – густые, темные, слегка сросшиеся на переносице. Нос крупный, но тонкий, с легкой горбинкой. Губы пухлые, но четко очерченные. А подбородок и скулы острые. И густые, довольно длинные темные волнистые волосы. К концу смены шевелюра успела у него здорово выгореть. Но главное – рука, которой он опирался на ствол дерева. Конкретнее – большой палец. Даже на поблекшем от времени снимке заметен длинный белый шрам, тянущийся от ногтя до самого запястья.

Руку он распорол в первый же день нашего приезда в международный студенческий лагерь «Спутник». Нырнул с пирса в море. А там торчала какая-то железка. Пришлось ему зашивать палец. Врач шил, приговаривая: «Ерунда, до свадьбы заживет», – и все на меня косился при этом. А мы ведь с ним только-только познакомились, и еще ничего ровным счетом между нами не было.

Так похож или не похож? На мужчину, которого я встретила вчера? Я снова и снова пристально вглядываюсь в юношу на фотографии. Волосы. У вчерашнего мужчины на голове был короткий темный ежик с сильной проседью и высокие залысины на лбу. А у молодого человека на фотографии лоб совсем невысокий, залысины отсутствуют вовсе, однако прошедшие двадцать лет вполне могли внести подобные коррективы.

Брови у мужчины уж точно гораздо гуще, нежели у того, кто на фотографии. Такое, впрочем, возможно с учетом двадцати прошедших лет. У мужчин после сорока брови отчего-то либо вообще вылезают, либо принимаются бурно куститься и колоситься.

А вот овал лица у вчерашнего мужчины совершенно иной! Никаких острых скул. Подбородок квадратный. Щеки плотные, да к тому же поросшие трехдневной щетиной. Эта мода весьма прижилась у наших мужчин. Подозреваю, некоторые из них считают, что таким образом скрадываются природные недостатки лица. Правда, у вчерашнего мужчины никаких недостатков я не заметила. Ну, разве что ему стоило бы скинуть пяток килограммов.

Глаза? Да, они у него действительно серые. Однако, кажется, они гораздо светлее, чем у того, молодого. И скорее просто серые, не в зелень.

Нос вот точно гораздо толще. И совсем не крупный, вполне пропорциональный лицу. Губы совсем не пухлые, а четко очерченные, даже скорее жесткие.

Рост совпадает. Где-то под метр девяносто. Я ему прихожусь ровно под подбородок. Но разница в весовых категориях по сравнению с молодым человеком на снимках примерно килограммов тридцать. Хотя вчерашний мужчина, в отличие от большинства моих сверстников, все равно достаточно подтянут – никакого намека на живот. А плюс тридцать килограммов, учитывая плюс двадцать лет, – явление тоже вполне закономерное.

Но главное, самое главное – одинаковые шрамы на больших пальцах правых рук.

И имя.

Но фамилии-то разные! Как такое могло получиться?

Так он это или не он?

Неделю назад моя младшая сестрица Ольга с радостным хохотом влетела в квартиру, таща за собою за руку своего однокурсника Ярика, с которым встречалась уже несколько месяцев.

– Мама Катя! Мама Катя! Поздравь нас, пожалуйста! Мы с Яриком решили пожениться и сегодня подали заявление!

В глазах у меня потемнело, ноги подкосились, и я беспомощно рухнула на кухонный диванчик.

– Вам плохо? – с тревогой склонился надо мною Ярик. – Может, водички?

Я лишь отмахнулась. Слова застревали у меня в горле.

– Катька, ты что? – Ольга, в свою очередь, испуганно взирала на меня.

Мгновение спустя она, схватив со стола валявшуюся газету, принялась остервенело обмахивать меня.

– Прекрати! – у меня, наконец, прорезался голос. – Лучшеними котлеты с конфорки. А то сгорят, и мне вас нечем будет кормить.

– Сейчас, сейчас, – оживился Ярик и схватился за ручку сковороды. – Куда поставить?

– На любую холодную конфорку, – сердито бросила ему Ольга и немедленно вновь переключилась на меня: – Ну, Катюха, ну, мама Катя, никак не ожидала от тебя такой реакции.

В ее тоне слышался упрек.

– Я от тебя, между прочим, тоже не ожидала. Полная неожиданность.

Сестренка возмущенно закатила глаза.

– Ничего себе неожиданность! Тебя слушаешь, можно подумать, мы с Яриком только вчера познакомились.

– Не в этом дело. Я просто как-то совсем по-другому себе представляла...

– Ага! Ты думала, Ярик сперва будет просить у тебя моей руки. Катька, в каком веке ты живешь?

– Ну-у... – я растерялась. – Я ведь не знаю, как вообще это сейчас делается. Мне казалось, сперва все-таки, наверное, спрашивают родителей. Ну, прежде чем заявление...

– Но вы же не родитель, – весьма логично отметил Ярик, – а старшая сестра.

Я обиделась, и, видимо, это отразилось у меня на лице, потому что Ольга, метнув в сторону Ярика строгий взгляд, решительно возразила:

– Не просто сестра! Катька мне почти мама! Она меня практически с нуля вырастила. Без нее я бы вообще сейчас неизвестно где оказалась.

Ярик смешался, что с ним, по-моему, случалось довольно редко, и с жалобным видом переминался с ноги на ногу, растерянно глядя на сковороду с котлетами, которую так еще и не успел никуда поставить. Мне его сделалось жалко, да и не хотела я становиться причиной их ссоры, пусть мимолетной, в такой, явно счастливый для них момент. В конце концов, это Ольгина жизнь, а я ей всегда желала счастья. И Ярик мне, в общем-то, был вполне симпатичен. Во всяком случае, он гораздо более положительный мальчик, нежели все предыдущие увлечения моей сестры. И я быстро проговорила:

– Да ладно. Шок уже прошел. Поздравляю вас и желаю счастья!

– Давно бы так, Катюха! Другое дело, – кинулась ко мне Ольга и крепко обхватила за шею.

После чего я взяла и чмокнула в щеку Ярика.

– Спасибо, – пролепетал он, зардевшись, и едва не уронил сковородку.

– Отдай, – я отобрала у него котлеты, с изумлением отметив, что он, оказывается, умеет краснеть.

– Спасибо, – на сей раз более уверенно повторил он и сел на диван.

За почти полгода, что я знала Ярика, он, кажется, ни разу не назвал меня ни по имени, ни по имени-отчеству, обращаясь ко мне совершенно безлично: «здравствуйте», «дайте, пожалуйста», «скажите, а можно нам» и так далее и тому подобное. Если он десять раз на дню звонил по телефону, то каждый раз со мной здоровался. Впрочем, подобное поведение характерно для всех Ольгиных ровесников. Не понимаю, в чем дело. То ли они не утруждают себя запоминанием имен, то ли не знают, как лучше обращаться к старшим. Особенно в тех случаях, когда старшие сами по себе не очень старые. Как, скажем, я, которую Катей он называть не решается, но и обращение «Екатерина Васильевна» его тоже чем-то смущает.

Я улыбнулась и сказала:

– Знаешь, Ярик, раз уж я скоро стану твоей родственницей, разрешаю тебе официально называть меня просто Катей.

– Спасибо, – в третий раз повторил он, однако за весь вечер Катей меня так и не назвал.

Нарезая салат, я размышляла о том, что случилось и чего втайне давно боялась. Правда, я думала, что произойдет это не так скоро. Моя маленькая сестренка собралась замуж! Сестренка, которую я вырастила буквально с пеленок и которая до сих пор для меня была абсолютным ребенком.

К горлу подступил комок, и я пониже склонилась над разделочной доской, чтобы эти двое, с хохотом накрывавшие на стол, не дай бог, не заметили моего состояния. Моя сестренка выходит замуж! Господи, почему так рано? Я чувствовала себя так, словно мне неожиданно отсекли руку, после чего бодренько объявили: «Ничего страшного, ваша рука уже взрослая и самостоятельная и вполне может обходиться без вас!» Она без меня! А я без нее? А кстати, где они собираются жить? Я полагаю, у нас? Или у Ярика? Нет, не хочу, чтобы Оля уезжала к Ярику! Неизвестно еще, как его родители к ней отнесутся. Слезы закапали из моих глаз в салат. Я представила себе, как обижают и унижают мою сестренку. Обязательно буду настаивать, чтобы они жили здесь, со мной.

Однако в следующий же миг и такая перспектива мне совсем не понравилась. Всю Ольгину жизнь мы прожили с ней вдвоем. У нас здесь, так сказать, бабье царство. А теперь тут всегда будет Ярик. Значит, я даже не смогу утром раздетой пройти в ванную. И нижнее белье при нем не стираешь. Неловко как-то, чтобы он любовался на мои трусы и лифчики. Тем более большинство их у меня отнюдь не новые. Надо срочно купить новые! Хотя сейчас наверняка не до нового белья – деньги на свадьбу потребуются. И хоть я отнюдь не Рокфеллер, в лепешку расшибусь, но докажу Яриковым родственникам, что сын их не Золушку в дом привел. Мы с Ольгой не хуже других живем. Но все равно: придется теперь постоянно быть в напряжении. И перед телевизором теперь не развалишься как хочешь и в чем угодно. А этим летом, к примеру, такая жара стояла. Я вообще дома голая в мокрой простыне сидела. Теперь больше точно не посидишь.

Мне стало до того горько, словно весь смысл моего земного существования зиждился на двух вещах – утром входить голой в ванную, а жарким летом сидеть, завернувшись в мокрую простыню.

– Катерина! Мама Катя! Очнись! Что с тобой? – отвлек меня от унылых размышлений голос сестры. – Пожалей этот несчастный помидор! Ты и так уже его в пюре изрубила.

– Действительно. Простите, задумалась. – Я смущенно счистила с доски в салатницу помидорный сок.

– И сотри трагизм с лица! – потребовала Ольга. – По-моему, сегодня никто не умер. Наоборот, на твоих глазах рождается новая семья.

– Так сказать, ячейка российского общества, – с серьезным видом подхватил Ярик и запахнул в рот скатанный в шарик мякиш белого хлеба.

– И от тебя я, Катька, никуда не денусь, – подхватила Ольга.

– Значит, здесь жить собираетесь?

– Если ты имеешь в виду эту квартиру, то, конечно, нет, – откликнулась Ольга.

– Зачем мы будем вас стеснять? – подхватил Ярик и засунул в рот второй хлебный шарик.

– Тем более если рядом, на одной лестничной площадке, моя собственная квартира, – снова заговорила Ольга.

– Но... – я растерялась.

Они, оказывается, уже все распланировали. Соседняя квартира действительно принадлежит Ольге. Но сейчас она занята.

– Оля, но она сдана. Там люди живут.

– Мы ведь не завтра собираемся пожениться, – спокойно принялась объяснять она. – А в конце июня. После сессии. Распишемся. Сыграем свадьбу. Потом на медовый месяц уедем. До конца июля. Да и в августе в городе торчать нечего. Поживем у Ярика на даче. Так что, если ты сейчас жильцов предупредишь, они за пару-тройку месяцев уж точно себе что-нибудь другое найдут. И мы не будем выглядеть хамами, как другие, которые иногда в двадцать четыре часа жильцов выставляют.

– Оля, боюсь, мы все равно будем выглядеть хамами, – покачала головой я. – Договор-то у нас с ними до конца года.

– Несущественно, – отмахнулся Ярик. – Поверьте мне как будущему юристу. У вас форс-мажор. Тем более вы их за целых два месяца об этом предупреждаете.

– Но они ведь, наверное, тоже жизнь рассчитывали, планы строили.

Я мигом поставила себя на место молодой семьи, которая у нас снимала квартиру, и мне стало их искренне жаль.

– Может, полгода поживете у меня, да даже и не полгода, а четыре месяца выйдет, – уточнила я. – Уж как-нибудь друг друга потерпим.

Я улыбнулась, однако Ярик понял меня по-своему и серьезно произнес:

– Вам, наверное, самой неудобно. Давайте мне договор, и я прекрасно с ними все улажу.

Тут уж я возмутилась:

– Сама людей обнадежила, самой придется и разочаровывать. Но, по-моему, разумнее было бы поступить, как я предлагаю.

– Вот уж, Катя, ты не права, – заспорила Ольга. – Если они съедут летом, мы за август успеем сделать косметический ремонт и вселимся осенью в свежую и чистенькую квартиру.

– Больше чем на косметический все равно заводиться не стоит, – пояснил мне Ярик. – Вот когда поменяем на большую, тогда уж отремонтируемся по полной программе.

– Вы собрались меняться? – опешила я.

– Катюха, ты какая-то сегодня странная! – воскликнула Ольга. – Тесно ведь в однокомнатной жить. Дети пойдут, то да се.

– Ты уже? – Я испугалась, что моя сестрица беременна.

– Фу! – поморщилась она. – О каких глупостях думаешь. До конца универа ни-ни. Я еще для себя хочу успеть пожить.

Мне стало немного легче.

– Но о будущем надо думать заранее, – назидательно произнес Ярик.

Я все отчетливее начинала чувствовать себя не старшей сестрой его невесты, а его, Ярика, несмышленной дочерью.

– Тем более сейчас мой отец готов нам на одну комнату добавить, – продолжал он. – А потом я институт закончу, начну как следует зарабатывать, и на трехкомнатную поменяемся.

– Замечательно, – выдавила я из себя и умолкла.

Они все тщательно продумали! На двадцать лет вперед! И ни о чем меня не спрашивали! Им советов и разрешений не требуется. А может, так и надо? Но мне отчего-то все равно сделалось неприятно. По-видимому, это была просто ревность, и я никак не могла смириться, что сама в их далеко идущих планах совершенно не фигурировала. Ревность скорее не старшей сестры, а матери, вынужденной отныне делить единственного ребенка с кем-то другим. Да я, волею судьбы, и была Ольге больше матерью, нежели старшей сестрой.

– Вы только, пожалуйста, не волнуйтесь, – снова никак меня не называя, продолжил Ярик. – Я даже сейчас не только учусь, но и подрабатываю. Так что помогать материально вам не придется. К тому же и предок у меня небедный.

Я вспыхнула и, чтобы не показать вида, стремительно поднесла к губам бокал вина. Мы уже сидели за столом и успели один раз выпить за счастье будущих супругов. Я прекрасно понимала: мальчик говорит искренне, от души, пытаюсь подобным образом проявить благородство. Мол, не на шею вам сажусь, а, наоборот, с вашей шеи снимаю груз. Но меня все равно захлестнула жгучая обида. Будто мне дали разом отставку по всем фронтам. Как бы уведомление вручили: Екатерина Васильевна, сердечно благодарим за оказанные услуги и потраченные усилия, но ваше время истекло, и мы отправляем вас на заслуженный отдых.

– И я теперь тоже буду подрабатывать, – вмешалась моя неугомонная сестрица. – Иначе будешь меня потом попрекать, – повернулась она к Ярику, – что сижу у тебя на шее.

Тот было возмущенно вскинулся, но Ольга, не обратив на это внимания, продолжила:

– А ты, Катюха, теперь спокойно собой займись. Всю жизнь в меня вкладывала, теперь хоть для себя поживешь.

«И впрямь как на пенсию отправляют», – пронеслось в голове, и я почувствовала себя старой развалиной. Словно мне было не сорок, а ровно в два раза больше. Этаким заработавшийся ценный специалист, которому, чтобы освободить нужное молодым место, терпеливо и ласково объясняют, что кроме работы существуют еще другие радости – семья, дача, огород, внуки.

– Катюха, ну ты опять помрачнела! – с обидой воскликнула Ольга. – Никак не хочешь по-настоящему за меня порадоваться!

– Да я радуюсь, радуюсь, – глотнув шампанского, поторопилась заверить ее я. – Просто так неожиданно...

– Ладно, – перебила меня сестра. – Думаю, к завтраму адаптируешься. Впрочем, на адаптацию у тебя есть время до пятницы.

– А что в пятницу? – испуганно уставилась я на нее. Какие еще сюрпризы мне приготовили эти двое?

– На пятницу я пригласила Ярикова папу. Знакомиться с тобой и договариваться насчет свадьбы.

– Почему только папу?

– Катюха! – вытаращилась на меня Ольга. – Как тебе не стыдно! Ты вообще меня когда-нибудь слушаешь? Я ведь тебе рассказывала: у Ярика тоже нет мамы. Она умерла, когда ему исполнилось десять лет. И растил его папа один. Ну, как меня – ты.

– Извини, Ярик, забыла, – я повернулась к нему в замешательстве.

Он молча кивнул. Мне смутно припомнилось, что Ольга и впрямь нечто подобное рассказывала, однако я тогда совершенно не придала этому значения.

– Папа так папа! – От охватившего меня смущения возглас мой прозвучал чересчур восторженно. С чего бы мне так ликовать по поводу совершенно мне незнакомого папы? Впрочем, будущих родственников не выбирают.

И в пятницу он пришел. Вместе с Яриком. Ольга бросилась открывать. В дверной проем шагнул крупный, высокий, довольно симпатичный мужчина. Широко улыбаясь, он протянул мне руку и представился:

– Дмитрий Сергеевич!

– А это моя мама Катя! – радостно возопила Ольга.

Яриков отец растерянно захлопал глазами, и улыбка сошла с его лица.

Кажется, я ему не понравилась, и мне почему-то стало от этого ужасно горько.

– А я папа Ярика, – все еще тряс мне руку мой новоиспеченный без пяти минут родственник. – И мне тоже очень приятно. Теперь, наверное, можете называть меня просто Митей...

Что он говорил дальше, я не слышала и не помню, ибо именно в тот самый момент, когда он произнес слово «Митя», я увидела шрам на его руке. Тонкий длинный шрам, протянувшийся вдоль всего большого пальца до самого запястья. Точно такой же шрам, как у того, другого Мити, из моей, увы, давней юности.

Мысли смешались в моей голове. Как же так? Совпадение? Или это действительно Митя? Но он меня вроде не узнал. Я украдкой пыталась взглянуть в его лицо. Вроде, пожалуй, даже похож, хотя не очень. И еще, может, конечно, мне показалось, но вроде бы он тоже украдкой меня разглядывал.

Мгновение спустя я обругала себя сентиментальной дурой, потому что тем давним Митей из моей юности он быть попросту не мог. Во-первых, потому, что у него другая фамилия. Тот носил крайне неоригинальную фамилию Иванов, а фамилия Ярика Кречетов. Маловероятно, что тот Митя, женившись, взял фамилию жены. Подобные случаи, конечно, встречаются, но крайне редко, в основном если у мужика какая-нибудь неблагозвучная фамилия. Но самое главное – другое: Ярик ровесник Ольги. А у того Мити никаких детей в год рождения Ольги уж точно не намечалось. И никаких возлюбленных, кроме меня, тоже не было. Я знаю наверняка. Значит, это не он.

– Катерина, – жарко и одновременно строго зашептала мне в ухо сестра. – Ты ведешь себя неприлично. Я тебя просто не узнаю. Прекрати немедленно строить глазки Ярикову отцу и скажи, наконец, что-нибудь членораздельное. И вообще, зачем ты цветы в кастрюлю засунула? У нас разве ваз в доме нету?

Я очнулась и поняла, что, оказывается, уже нахожусь на кухне в обнимку со стопкой тарелок, роскошный букет из алых роз, который вручил мне Ярик, торчит из высокой кастрюли для

супа, а гости чем-то гремят в большой комнате. Щеки мои запылали. Какой стыд! Воображаю, что этот Яриков Митя обо мне подумает. Ага, легок на помине. Митя возник на пороге кухни.

– Катюша, вам помощь не требуется?

Оказывается, мы с ним уже почти на «ты»! А я и не заметила. Когда же я разрешила ему называть себя Катей?

Тем временем Митя схватился за тарелки. Я тоже их на всякий случай не отпустила, и мы начали синхронно протискиваться по нашему узкому коридорчику, ведущему из кухни.

– Извините, – цепляясь спиной за стену, проговорил Митя. – Меня наши ребята несколько дезориентировали, и я как-то не совсем понимаю: вы Олечке мама или сестра?

– И то и другое, – пролепетала я.

– А изначально? – не отставал он.

– В каком смысле? – не поняла я.

– Ну, вы ее... как бы это... Рожали ее или не рожали?

– Рожала ее наша мама, но она во время родов умерла, и воспитывать Ольгу пришлось мне.

– Замечательно! – воскликнул Митя и, вырвав у меня тарелки, кинулся в комнату, оставив меня одну в полной растерянности и недоумении.

Что он увидел в моих словах замечательного? Что мама умерла или что я сестру воспитывала? Чудной какой-то. И вообще, какая разница, растила я Ольгу или нет? В данном случае, по-моему, важен не процесс, а результат, которым я лично вполне довольна.

Из столовой послышался звон. Я не сомневалась в его причине: мой странный новый родственник не донес тарелок до стола. По крайней мере, часть их. Потому что Ольга немедленно закричала:

– Ничего страшного, Дмитрий Сергеевич! Это к счастью!

За столом моя Ольга, видимо, решив не откладывать дела в долгий ящик, завела разговор о свадьбе. Какой, по ее мнению, она должна быть, сколько народу следует пригласить и что лимузин, пожалуй, нанимать не будем, хотя вообще-то в нем после загса очень здорово кататься по Москве и пить шампанское...

Я слушала ее вполуха. Никак не могла сосредоточиться, при всем старании не могла, ибо мой взгляд невольно возвращался к Мите. Он то поворачивался, то делал какой-то жест, на мгновение становясь безумно похожим на того, молодого Митю и миг спустя оказываясь непохожим, однако словно лишь для того, чтобы вскоре все повторилось вновь. И главное – этот шрам на пальце. Неужели бывают такие совпадения?

Вот Ярик совсем не походил на молодого Митю. Ничем не походил. Разве что худобой. Но и черты лица, и даже фигура совершенно иные. И волосы у Ярика гораздо темнее, чем были когда-то у Мити. Да и на своего отца, сидящего передо мной, он тоже совершенно не похож. Видимо, возобладали материнские гены. Такое случается. Я перевела взгляд на Ольгу. Она тоже вылитая мать. Вьющиеся темно-русые волосы. Голубые глаза, кожа смуглая. А я вся в отца – белокожая блондинка с синими глазами...

– Катя, ну, ты согласна?

Ох, как неловко. Опять задумалась и, кажется, пропустила что-то важное в разговоре. И чтобы никто ничего не заметил, я с преувеличенной уверенностью отозвалась:

– Да, да, конечно!

– Замечательно! – обрадовался Митя. – А я боялся, Катя, что вас мое предложение смутит, хотя, по-моему, это совершенно естественно.

Я пребывала в полном замешательстве. Интересно, на что я сейчас согласилась? Я поймала на себе очень странный взгляд Ольги, и мне вдруг пришла в голову дикая идея. Вдруг Митя предложил мне выйти за него замуж и в целях экономии и удобства совместить обе свадьбы? Забавная была бы ситуация.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что все обстояло гораздо хуже. Оказывается, я радостно приняла Митино предложение взять на себя все расходы, связанные с будущей свадьбой. Кошмар! Что он теперь о нас с Ольгой подумает? Меркантильное семейство, решившее с ходу взять в оборот отца жениха. Я даже не попыталась предложить, что возьму на себя хотя бы часть затрат.

Конечно, я не Рокфеллер. Однако мы и не нищие. У меня кое-что скоплено. Во всяком случае, достаточно, чтобы справить свадьбу сестры. Ужас как неудобно. Но и оттанцовывать назад поздно. Еще неудобнее выйдет. Как будто я меркантильная, но кривляюсь. Единственный выход – попросить Ольгу, чтобы она умерила свои аппетиты.

Мой взгляд в который раз упал на Митин шрам. Все-таки очень странное совпадение.

Глава II

В воскресенье ко мне явилась моральная поддержка в лице моей ближайшей подруги Геты Пинской. Вообще-то ее звали Евгения, и, по идее, она должна была быть просто Женькой, однако сочла это имя слишком мужским и совершенно не подходящим к своей ярко выраженной женской фигуре. По сей причине в молодости, когда мы учились вместе в педагогическом институте, она переименовала себя в Жанетту, а с течением времени, решив, что Жанетта звучит чересчур легкомысленно и даже фривольно, превратилась в Гету.

Кстати, в период, когда она была Жанеттой, произошла забавная история. Я забежала к старосте курса получить стипендию. Вижу, наши немногочисленные мужики умирают от хохота. Спрашиваю, в чем дело, а они мне вместо ответа ведомость под нос суют. Я глазами хлопаю, ничего понять не могу. Тогда староста мне объясняет:

– Ты на подпись Пинской-то посмотри.

Тут я наконец поняла. В графе «получено» стояло: «Ж. Пинская». Подруга, значит, переименовавшись, инициал изменила. Ребята похохатывают:

– Ну прямо в точку!

Так до конца института ее и звали «Жепинская». Надо добавить, Жанетта-Гета даже не особо и обижалась. «Подумаешь, – говорила, – мужики именно на это и клюют. А у кого этого нет, пускай мне завидуют. Потому что у меня эта часть тела весьма аппетитная».

Гета и впрямь неизменно пользовалась большим успехом у противоположного пола и своего шанса никогда не упускала, при этом смолodu проявляя стойкую неприязнь к замужеству. Считала, что женщина должна жить не для мужа, а для себя.

По этой причине она большей частью заводила женатых обеспеченных любовников.

– Очень удобно, – объясняла она мне. – И я у него как подарок, и мне достаются все положительные эмоции, а с отрицательными пусть возится законная жена.

Я возражала:

– Но ты же, Гета, не всегда его можешь увидеть, когда захочется. В праздники одна, по выходным – тоже.

– Что и есть замечательно! – не видела отрицательных сторон она. – Во-первых, мне никогда не скучно с самой собой. Всегда есть чем заняться. А захочу в компанию – у меня куча родственников, знакомых, ты, наконец. Не в пустыне живем. А мужик, он для чего нужен? Для поддержания тонуса и поднятия благосостояния.

– Но есть же еще и любовь.

– Ну, есть, – не спорила Гета. – И с замужеством она никак не связана. Все мои хахали женаты. Что же они ко мне так шустро бегают, если в семье большая любовь? Значит, любви там нет. А тогда зачем замужество, коль от него столько расстройств?

– Гета, ведь не у всех же так, – я продолжала отстаивать свою точку зрения. – Есть же такие, которые никуда не бегают.

– Откуда ты знаешь? Может, они просто хорошо скрывают.

– А дети? – приводила я последний аргумент.

– Вот уж спасибо! – Гета с ужасом хваталась за голову. – Мне достаточно на тебя посмотреть, и я понимаю, что мне это никогда больше уже не понадобится. Все свои жалкие материнские инстинкты с твоей Ольгой удовлетворила. Ее, слава богу, совместными усилиями вырастили. А больше никого растить не хочу.

Надо отдать Гете должное: при полном неприятии семьи и брака она приняла самое деятельное участие, когда я осталась одна с грудной сестренкой на руках и категорически не желала поместить ее в детский дом.

– Даже и не думай, – полностью поддержала меня тогда подруга. – Справимся. Вырастим.

И она действительно мне помогала по мере сил. И с Ольгой сидела, а когда та подросла, даже иногда брала к себе. Правда, школу жизни Ольга проходила у нее своеобразную.

Однажды в шестилетнем возрасте, вернувшись от Геты домой, сестренка мне рассказала: – Мы сегодня с тетей Жанеттой играли в дочки-матери и совсем обманули дяденьку.

Заподозрив неладное, я провела допрос с пристрастием одной и другой, после чего выяснилось, что подруга моя использовала ребенка для выхода из поистине патовой ситуации, в которую совершенно неожиданно для себя попала.

У Геты был испытанный метод. Когда срок службы одного ухажера заканчивался, а на горизонте маячил новый, гораздо более перспективный, она умудрялась избавиться от прежнего таким образом, что тот еще себя чувствовал виновным: использовал девушку и бросил.

Метод был надежный и действенный. Подруга моя объявляла:

– Либо ты на мне женишься, либо между нами все кончено.

Глубоко и серьезно женатый мужчина, услышав такое, естественно, впадал в панику и позорно ретировался с поля боя, чувствуя себя последним подлецом.

Однако в тот раз прием дал осечку. Любовник требование жениться воспринял с энтузиазмом. То ли обстоятельства жизни у него так совпали, то ли к Гете (тогда еще Жанетте) чересчур привязался. А новый, несравненно более желанный кандидат, уже был полностью готов подпасть под чары, и его следовало брать тепленьким. Но прежний-то уже всю планировал свадьбу и мог стать серьезной преградой в осуществлении Жанеттиных замыслов. И тогда она пустила в ход тяжелую артиллерию.

Одолжив у меня Ольгу, она уговорила ее только один денек поизображать, будто она ее дочь. Дело не обошлось без подкупа в виде жвачек с вкладышами и вождельной куклы Барби, но игра, по мнению моей подруги, стоила свеч, потому что ставка была «больше, чем жизнь». В общем, Жанетта-Гета выдала себя за мать-одиночку и, когда явился жаждущий свадьбы возлюбленный, поставила ему категорическое условие: либо он удочерит ее «дорогую дочурку Олечку», либо она не желает выходить за него замуж.

Любовный пыл жениха несколько поугас, и он на некоторое время исчез с Жанеттиногоризонта. Правда, как показало ближайшее будущее, лишь для того, чтобы в самый ответственный для моей подруги момент сообщить, что готов стать отцом «прекрасной девчушки», которую, пожалуй, сможет полюбить как свою родную.

Подруга впадала в панику и принялась умолять, чтобы я еще раз одолжила ей Ольгу, которая должна сделать какую-нибудь крупную гадость липучему жениху. Я возмутилась:

– Знаешь, нечего мне ребенка развращать и растить из нее хулиганку и обманщицу. А с женихами своими разбирайся сама.

Но Жанетта начала хныкать и умолять, мол, ей такой новый кадр достался, раз в жизни бывает. В общем, я сдалась, сказав, что, конечно, в первый и последний раз. И моя сестра с диким хохотом вылила на новый костюм Жанеттиногоружника банку варенья, крикнув при этом: «Не хочу такого папу! Ты плохой!» – после чего патовая ситуация полностью разрешилась.

– Соплячка нас обставила! – выслушав про события последних дней, восхищенно воскликнула Гета. – А ведь еще недавно в пеленки писала. Помнишь, как мы твою Ольгу первый раз вместе пеленали?

Я помнила. Мы с Гетой обе никак не могли понять, что делать и как завернуть в пеленку беспрестаннодвигающиеся ручки и ножки. Ужас! Гета тогда заявила, что легче сдать две сессии подряд в институте, чем поменять подгузники одному ребенку, и я была с ней совершенно согласна.

– Недавно пеленали, – повторила Гета, – а теперь уже без пяти минут замужняя дама. Вот дети растут! Ну поколение, ну молодежь! Обошла она нас с тобой, подруга, на повороте! Мы-то еще ни разу замуж не ходили.

Последние ее слова потрясли меня не меньше, чем Ольгино сообщение, что она собралась замуж.

– Никак тоже наконец захотела замуж? – с изумлением пролепетала я.

– При чем тут захотела я замуж или не захотела? – в свою очередь удивилась моя подруга. – Вопрос в принципе. Мы ни разу там не побывали, хотя в два раза старше Ольги, а она в два раза младше и уже почти там.

– Гета, но если нам с тобой не надо... – начала я, но она перебила:

– Мне не надо, а тебе, например, очень надо. Да и вышла бы давно, если бы на Ольгу не угрохала лучшие свои годы. И вот, пожалуйста: Ольга твоя в шоколаде, а ты у разбитого корыта. Несправедливо.

– Послушать тебя, Ольга должна была вырасти и сказать: «Теперь ты, Катюха, выходи замуж, а я подожду».

– Да нет, конечно, – Гета вздохнула. – Жизнь идет, а мы на обочине. Спрашивается, за что?

– При чем тут обочина? Дело не в том. Понимаешь, Гета, я оказалась совсем не готова. Вчера еще Ольга была ребенком, вдруг – раз, и стала самостоятельной. И получается, вроде я ей совсем не нужна. У нее теперь будет совершенно своя жизнь...

– Дура! У тебя просто элементарный комплекс матери-наседки. Наоборот, ситуация для тебя замечательно складывается! Какая же молодчина Ольга, что с замужеством не затянула. Представь, оказалась бы она у тебя такой занудой, мол, сперва институт кончу, потом еще аспирантуру, карьеру сделаю, они все теперь на карьере помешаны. А ты бы так и заботилась, и сидела бы, и годы бы твои ушли...

Слушая Гету, я пребывала в еще большем недоумении, нежели прежде. У моей подруги ну никакой логики! То обвиняет Ольгу в эгоизме и в том, что она меня личной жизни лишила, а то выходит, сестра моя права и я должна радоваться.

– Гета...

– Отстань! – Отмахнувшись, она продолжала: – Все очень хорошо и вовремя. Знаешь, если честно, я тебе даже завидую.

– Логика у тебя...

– Логика у меня возникает по ходу дела, когда я проблему осмысливаю, – спокойно продолжала моя подруга. – Ты мне уже несколько дней жалуешься, вот я тебе и сочувствовала. А вот сейчас, наконец, поняла, что сочувствовать совершенно нечему. Наоборот, для тебя ситуация складывается отлично. Смотри: ты еще молодая, всего сорок лет, к тому же абсолютно свободная. Никаких обязательств и никакой ответственности. Да перед тобой все пути-дороги открыты. Хоть начинай жизнь с нуля.

– Но я не хочу с нуля! Меня моя собственная жизнь вполне устраивает, – с чувством собственной правоты возразила я.

– Я, в первую очередь, говорю про личную жизнь, – пропустила мои слова мимо ушей Гета. – А кстати, и работу можешь поменять на что-нибудь получше и интереснее. Не обязательно до пенсии в своей гимназии сидеть.

– Мне там нравится!

– Хорошо. Насчет работы возражение снимаю. Нравится так нравится, – с царственным видом изрекла Гета. – Сосредоточимся на личном вопросе. Свободная привлекательная невеста с квартирой и даже с относительно приличным заработком. Конечно, – моя подруга поцокала языком, – теперь у тебя пропадет доход от сдачи Ольгиной квартиры.

– Да я все равно то, что получала за квартиру, на Ольгу тратила. Самой мне и зарплаты вполне хватает. А Оля с Яриком сказали, что собираются содержать себя сами.

– Ох, ох, ох! Так я и поверила, что ты им ничего не будешь подкидывать. Не обманывай себя, Катька. Уж я-то тебя знаю.

– Даже если что и подкину, мне хватит, – заверила я. – И частные ученики у меня есть. Надо будет – еще возьму. Недорослей на наш с тобой век достаточно.

– Кормильцы наши, – сказала Гета, которая тоже весьма хорошо подрабатывала, готовя абитуриентов к вступительным экзаменам в свой институт. – Но тебе сейчас не учеников набирать надо, а личную жизнь налаживать. Упускать такой шанс преступно. Молодая привлекательная невеста, да еще с собственной двухкомнатной квартирой.

Я засмеялась.

– Считаешь, на квартиру клюнут?

– Ключнуть должны на тебя, но квартира очень многое определяет.

– А вдруг только на квартиру?

– Вместо того чтобы сразу думать о плохом, лучше ищи такого кадра, чтобы запал на тебя.

– Ой, да не буду я ничего искать. Если судьба, сам найдется, и без всякой квартиры.

– Насчет квартиры ты не права, – гнула свое Гета. – За Ольгину квартиру ты должна бабе Гале памятник поставить. Представляешь, если бы твоя Ольга своего Ярика к тебе сюда жить привела. У тебя бы последние шансы улетучились.

– Бабе Гале за все надо огромный памятник поставить, и не только на могиле, там-то он давно стоит, а на Красной площади. Без нее мы бы с Ольгой не выжили.

Галина Матвеевна пришла мне на помощь в самый трагический момент жизни. Мы с мамой уже много лет жили вдвоем – одни, без отца. Папа мой был геологом и умер от перитонита во время одной из экспедиций. Мама замуж больше не вышла. Растила меня. Жили мы не слишком богато, но вполне счастливо. Окончив школу, я сама, без малейшей помощи, поступила в педагогический институт на факультет русского языка и литературы, чем мама очень гордилась.

Я училась на третьем курсе, когда мама впервые за много лет решилась, наконец, съездить отдохнуть. Одна. Без меня. Вернулась она счастливая и помолодевшая. Правда, счастливое ее состояние длилось недолго. Несколько раз я замечала маму плачущей. Такого прежде никогда не бывало, и я терялась в догадках.

В конце концов она мне открылась. Оказалось, мама беременна. Я испугалась.

– Хочешь выйти замуж?

Я уже мысленно представила себе, как наш уютный, много лет существовавший мирок разрушится и я буду вынуждена привыкать к жизни с совершенно посторонним человеком, да еще у которого родится собственный ребенок.

Но мать отвечала:

– Нет. Не хочу. Он вообще ни о чем не знает. Да и не может на мне жениться. У него семья.

– Тогда, по-моему, надо сделать аборт, – со свойственной молодости черствостью посоветовала я.

Мама посмотрела меня грустными глазами.

– Вообще-то уже поздно. Да я и не хочу. Катя, ты уже взрослая. Может, как-нибудь вырастим? Совместными усилиями.

У меня были совершенно другие планы на жизнь. Я тогда как раз впервые по-настоящему полюбила и не мыслила дальнейшей жизни без этого человека. А тут такой стыд! Моя мама, казавшаяся мне тогда не просто взрослой, а почти пожилой женщиной (господи, ведь она была

тогда всего на пару лет старше меня теперешней! Но я ведь чувствую себя еще совсем молодой!), будет ходить беременной, с огромным животом, и неизвестно от кого.

Одна мысль об этом повергала меня в дрожь. Все вокруг начнут перешептываться, тыкать пальцами, и не только в нее, но и в меня. Как она могла поставить меня в подобное положение! Ну, я понимаю, курортный роман. Приспичило, в конце концов. Хотя и физические отношения с мужчиной в столь солидном возрасте казались мне противоестественными и омерзительными. Ладно еще кто-то другой, посторонний. Но моя мама... моя любимая мама...

Ну случилось, ну получилось... Такое еще можно как-нибудь пережить. Но почему она не подумала о последствиях? Другие люди как-то предохраняются. Или, в крайнем случае, сделала бы вовремя по-тихому аборт, и никто ничего бы не узнал. Даже я. Зачем, скажите на милость, ей еще один ребенок? Меня с трудом вырастила, а она ведь тогда была молодой, здоровой, сильной. А если она сейчас родит, то когда девочке исполнится восемнадцать (почему-то я была убеждена, что родится именно девочка), маме стукнет все шестьдесят. Красота! Мама молодой девушки в возрасте бабушки!

Все это, приблизительно в тех же выражениях, я высказала маме. Она рыдала три дня, повторяя сквозь слезы одно и то же: «Не ожидала от тебя такой жестокости». Ну и что? Я только еще сильнее злилась и возмущалась, ибо считала, что жестокость-то как раз проявила она ко мне. Всю жизнь мне сломала! Все мне испортила! И при этом рассчитывает на мою помощь, поддержку и сочувствие.

Чем больше проходило времени и чем сильнее рос живот матери, тем мне становилось хуже. Теперь я старалась как можно меньше бывать дома. Убегала рано утром и возвращалась по возможности позже, только переночевать. С мамой мы почти не разговаривали, а крайне редкие разговоры неизменно оканчивались скандалами и моими истериками.

Но как бы ни протестовало все мое существо против рождения сестры, сделать было ничего нельзя. Да мама и не собиралась. И ей, в отличие от меня, совсем не было стыдно. Она гордо носила свой драгоценный груз.

Закончилось все в одночасье. Судьба даже не предоставила мне возможности попроситься с мамой и попросить у нее прощения. Впрочем, молить о прощении мне захотелось гораздо позже. Когда она умерла, меня раздирали горе и одновременно ярость.

Мама умерла во время родов. Доктор долго и терпеливо объяснял мне про неправильное предлежание, плаценту и маточное кровотечение, будто подробности играли какую-то роль. Но мамы-то уже не было. Какая разница, от чего! Ее уже не было, но была теперь Ольга, которой в тот момент, впрочем, еще только предстояло дать имя и которую у меня изо всех сил старались отобрать.

Все вокруг меня уговаривали не ломать себе жизнь и отказаться от Ольги. Мол, такого хорошенького здорового ребенка моментально удочерят. Подберут ей хорошую семью, она будет счастлива, и я свою жизнь смогу спокойно строить. Выйду замуж, рожу своего ребенка и тоже буду счастлива.

Словом, мир ополчился против меня. Исключение составляли лишь Гета, тогда еще Жанетта, и Галина Матвеевна – ближайшая наша с мамой соседка по лестничной площадке. Они меня полностью поддерживали. А я не могла бросить Ольгу. Она ведь была теперь единственным, что мне осталось от мамы, которая так хотела ее родить.

Я назвала девочку в честь мамы, а отчество и фамилию дала ей своего папы, и стала она Ольгой Васильевной Митрохиной. И насколько я не хотела прежде, чтобы моя сестра рождалась на свет, настолько теперь желала, чтобы она осталась со мной. Ради этого я была готова на все.

Чтобы получить опеку над сестрой, я, не раздумывая, перевелась на вечернее отделение в институте и устроилась на работу в школу рядом с домом. Но, конечно, и это меня не спасло

бы, не будь рядом нашего ангела-хранителя Галины Матвеевны – бабы Гали. Она помогла мне похоронить маму и не дала сломаться, когда я билась за свое право воспитывать Ольгу.

– Твоя мама, царствие ей небесное, давала мне приют, когда мой Геннадий Перфильевич лютовал, царствие и ему небесное. Так уж мне помогала, а теперь я ей должна добро вернуть.

Муж бабы Гали, Геннадий Перфильевич, отличался тяжелым характером и тяжелой рукой и в довершение ко всему периодически уходил в краткосрочные, но глубокие запои. Мучилась с ним баба Галя страшно. Когда же совсем становилось неважно, сбегала к нам, ибо Перфильевич, согласно каким-то своим сложным моральным установкам, позволял себе бушевать лишь на территории собственной квартиры. А у нас с мамой баба Галя всегда могла и переночевать, и денег перехватить до получки.

Теперь добро, которое сделала мама, сторицей возвратилось ко мне и к Ольге. Баба Галя решительно объявила:

– Забирай девчонку, иначе вовек себе не простишь. Вырастим ее уж как-нибудь. Справимся не хуже других. И мама твоя там будет спокойна. – Баба Галя перекрестилась. После внезапной кончины мужа она зачастила в церковь. – Главное – доучись. Я с девчонкой посижу. Силы, слава богу, пока есть, а от семьи все одно ничего не осталось. Вот мы друг дружку и подопрем. И насчет денег не волнуйся. Сдам свою квартиру, переселюсь к вам. Вот и считай: моя пенсия, твоя зарплата, деньги за квартиру, Ольгино пособие. На троих хватит. – Я не знала, как ее благодарить, а она лишь отмахивалась: – Это я тебя, Катька, должна благодарить. На старости лет вместо одиночества, считай, сразу и дочку, и внучку обрела.

Сказано – сделано. Жизнь, конечно, была не сахар и по-разному складывалась. И Ольга болела. И мне пришлось всю себя переломать, ведь я фактически стала главой семьи, и ответственность за сестру сразу сделала меня взрослой.

Когда подросла Ольга, начала болеть баба Галя, настала очередь нам с младшей сестрой за ней ухаживать. Все-все у нас случалось, но то, в чем я поклялась на могиле матери, мне оказалось по силам. Ольгу я вырастила и воспитала. Неплохо, по-моему, воспитала.

А бабы Гали уже два года как нет в живых. Почти перед самой кончиной она оставила мне завещание, по которому ее однокомнатная квартира отходила Ольге.

– Так у каждой из вас своя жилплощадь будет. Девчонка-то уж почти взрослая. Она выйдет замуж – хоть ты для себя поживешь. А то из-за нас с Ольгой всех мужиков от себя гнала.

– Да что вы говорите, баба Галя! При чем тут вы? Просто того, единственного, не встретила.

– Ох, да где ж они, эти единственные? – Галина Матвеевна вздохнула. – Принцев-то мало, а нас, баб, много. На всех не хватит. Эдак всю жизнь прождешь. А у тебя уж бабий срок проходит. Попомни мои слова: как встретишь кого хорошего, выходи, не привередничай.

И вот бабы Гали не было, а она продолжала нам помогать.

Глава III

– Я тебе, между прочим, теперь даже завидую, – продолжала тем временем Гета. – Надо же, как повезло: без всяких со своей стороны усилий будешь жить одна в отдельной двухкомнатной квартире практически в центре Москвы.

– Проспект Вернадского – не центр, – напомнила я.

– Был не центр, когда ваш дом строили, – сказала Гета. – А сейчас, считай, центр. Это же тебе не какое-нибудь Бутово, а престижный освоенный район.

– Положим, ты-то совсем в центре живешь. В Замоскворечье.

– С той лишь разницей, что у меня коммуналка.

– Ну, вас в результате расселят. Сама мне говорила: вот-вот.

– Во-первых, ты знаешь, это «вот-вот» длится уже три года. А во-вторых, когда оно настанет, меня расселят именно в какое-нибудь Бутово, никак не ближе к центру. А тебя уже никуда отсюда не расселят. И сестра твоя любимая совсем рядом будет жить. Значит, вы с ней вроде бы не расстаетесь и мешать друг другу не будете.

– Боюсь, это не надолго. – Мне снова сделалось не только грустно, но и неприятно, ибо я вспомнила, как Ольга и Ярик строили свои далеко идущие квартирные планы. – Понимаешь, Гета, я совсем не уверена, что сестра станет всегда жить рядом со мной. Они даже решили в бабе-Галиной квартире серьезного ремонта не делать. Собираются продавать ее и расширяться. Тесно им в однокомнатной.

– Ничего себе аппетиты у молодых! – взвилась от возмущения Гета. – Им к свадьбе, можно сказать, на полную халюву квартира обломилась, а они уже недовольны. Конечно, они не то что мы в их возрасте. Для нас отдельная однушка пределом мечтаний была. Любая. Пусть даже в хрущобе малогабаритной, хоть у черта на рогах. Мы ж ничего не видели! Большинство чуть не до старости с мужем, детьми и родителями на одной территории ютились. А уж если что удавалось свое получить или кооператив построить, так полное счастье. Как в раю себя чувствовали. А эти, конечно, в другое время живут, по сторонам смотрят и понимают, что по-другому можно. И не в однокомнатной, а целый этаж занимать, и не с совмещенным санузлом, а со всякими джакузи. А еще бы лучше особнячок. Только они хотят все и сразу. Не понимают, что сперва ох как попахать надо, да и то не каждому достанется.

– Это они как раз, Гета, понимают, – встала я на защиту Ольги и Ярика. – Потому и хотят, пока есть возможность, превратить однокомнатную в двухкомнатную, а после самим постараться заработать на еще большую. Но ведь для меня бабы-Галина квартира – не просто жилплощадь, а память о ней. Никогда бы не поднялась рука продать ее, разве только совсем жизнь бы приперла. А так – никогда. Но Ольга... Когда они с Яриком об этом говорили, я вдруг убедилась: она все забыла. Забыла, что значила для нее баба Галя!

Мне стало еще сильнее не по себе, и я вновь почувствовала, как что-то чрезвычайно важное безвозвратно уходит из моей жизни.

– Ну вот. Опять слезы. – Затянувшись тонкой сигаретой и выпустив дым из ноздрей, моя подруга осуждающе покачала головой. – Пойми: твоя Ольга не может жить твоим прошлым...

– Но это ведь и ее прошлое, – перебила я.

– Ничего подобного. Она его совершенно по-другому воспринимает. Да, она очень любит тебя, любила бабу Галю, но она не должна жить всю оставшуюся жизнь, руководствуясь лишь чувством благодарности к вам. Она имеет право быть счастливой. К тому же квартира – это жилплощадь, а не душа бабы Гали. Кстати, она для того ее Ольге в наследство и оставила, чтобы вы могли жить по-человечески. Поверь, она была бы только счастлива, узнав, что Ольга с любимым мужем живут в двух- или трехкомнатной квартире или в отдельном особняке.

– Гета, я снова никак не пойму: то ты их осуждаешь, что им мало своей однокомнатной квартиры, то, наоборот, доказываешь мне, что они молодцы.

– Никого я не осуждаю! – Она яростно ткнула окурком в пепельницу. – Я им завидую! Надо же, могут мечтать, о чем хотят! У них жизнь другая и время другое.

А мы точно знали: об этом мечтать можно, а о другом – бесполезно. Вот у нас никогда ничего и не было. Теперь вот мечтай – не хочу, а толку? Поезд уже ушел, и не светит нам никогда ничего такого, что светит твоим Ольге с Яриком! Да слава богу, что хоть им светит. Я, с одной стороны, завидую, а с другой – за них радуюсь. Но я и за тебя хочу порадоваться. Хочу, чтобы ты, по свойственной тебе душевной доброте и дурости, свой последний шанс не упустила!

– Гетка, мне страшно тебя слушать. Этот твой «последний шанс» звучит почти как «последний путь».

– А мне плевать, как звучит. Главное, чтобы ты до своего последнего пути успела побыть неодинокой. Перестань жалеть, что твой птенчик отправился в самостоятельный полет, и займись собой. Думаешь, я не помню, от скольких шансов ты уже отказалась из-за своего сестринства-материнства. Такие мужики попадались! И, главное, ради тебя были готовы на все.

– Не преувеличивай. Например, Александр не был готов на все.

– А что тебе еще надо было? – Даже сейчас, по прошествии стольких лет, Гета убеждена, что я повела себя непростительно, лишившись счастья и солидного достатка. – Мужик видный, жениться тебе предлагал, через полгода бы за границу увез. Долгосрочная командировка ему предстояла в капстрану! По тем временам – фантастика. И сейчас бы с ним не пропала, еще богаче бы жили. Он, между прочим, теперь крупный бизнесмен. Каталась бы как сыр в масле.

– А ты не помнишь, что именно Ольга и не входила в условия этого контракта?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.